

Для Ань Цзинъюаня эти два дня превратились в настоящую пытку. И, если не случится ничего непредвиденного, подобное испытание теперь ждало его каждый месяц.

Ань Цзинъюань активировал персональный оптический компьютер и первым делом связался с Юань Инсюэ, чтобы узнать о её самочувствии.

Обычно, если генерал Ань оставался в поместье, но не выходил к общему обеду, причина кролась в одном из двух: либо он недомогал, либо наступил особый период — период восприимчивости у Альфы или период росы у Омеги.

Впрочем, даже в такое время, подавив вспышку благодаря самоконтролю или приняв медикаменты, вполне можно было спуститься к трапезе.

Разумеется, три законные жены-Омеги, проживавшие в поместье, формально не имели права покупать подобные препараты, однако всегда существовали нелегальные каналы.

Ответ от Юань Инсюэ пришёл быстро. Она написала, что вчера в доме было слишком много Альф, из-за чего она почувствовала себя дурно и предпочла остаться в своих комнатах. Первая госпожа просила не волноваться: стоит немного отдохнуть, и всё пройдет.

В спальню вошла служанка с пиалой отвара.

В состоятельных семействах для Омег обычно подбирали мягко действующие снадобья: из-за слабого телосложения им не подходили чересчур ядрёные составы, а к сильным подавителям прибегали лишь в крайних случаях.

Под пристальным взглядом Ань Цзинси Цзинъюань осушил пиалу до дна.

Вкус был отвратительным.

Впрочем, Цзинъюань не стал привередничать — к еде и питью он всегда относился равнодушно.

Служанка забрала пустую посуду и вышла. Цзинси немного помялся, но всё же достал две ампулы подавителя и протянул брату:

— Вообще-то я хотел, чтобы ты сегодня вышел подышать воздухом под моим именем, но, с одной стороны, у тебя только что закончилась течка, а с другой — ты ещё и простудился. Так что ближайшие пару дней отлеживайся и набирайся сил.

— Хорошо, — кивнул Цзинъюань.

Цзинси присел на край кровати и сжал ладонь брата.

— Знаешь... меня давно не покидает одно чувство.

— Какое?

— Будто тебе совершенно не дорога собственная жизнь, — тихо произнёс Цзинси. — Ты просто плывёшь по течению. И если завтра за тобой придет смерть, ты даже не вздрогнешь.

«Или вовсе сочтёшь её избавлением, к которому так страстно стремился», — читалось в его глазах.

Цзинъюань ненадолго замер, а затем мягко улыбнулся. Высвободив ладонь, он провел бледными, изящными пальцами по волосам брата:

— Что за глупости? У меня есть мама, есть ты. Я вовсе не ищу смерти и ни за что не смогу вас бросить.

— Очень надеюсь, что так и есть, — вздохнул Цзинси. — Но мало просто цепляться за нас с мамой. Мне бы хотелось, чтобы ты начал жить ради самого себя.

Цзинъюань промолчал.

— К примеру... заимел мечту. Скажем, сконструировать для меня самую лучшую меху во всей Империи Лос.

Цзинъюань снова ничего не ответил.

— Ты как-то говорил мне, что мама в детстве тоже мечтала стать великим мастером-мехостроителем, стать гордостью дедушки и дяди. Не знаю, о чём она думает теперь, но считаю, что ты вполне мог бы воплотить её детскую мечту.

— Я... постараюсь, — тихо отозвался Цзинъюань.

— Ладно, я пойду, — Цзинси поднялся.

— Хорошо.

Взявшись за дверную ручку, Цзинси помедлил и обернулся:

— Да, и ещё. Учёба — это, конечно, важно, но не засиживайся за чертежами до истощения. Отдых не менее важен. Только с крепким здоровьем ты сможешь выдерживать долгие нагрузки.

Цзинъюань опять улыбнулся:

— Договорились.

Цзинси вышел.

Цзинъюань подошёл к окну и распахнул створки.

За окном буйствовала сочная зелень, а лёгкий порыв ветра заставил белоснежные тюлевые шторы взметнуться вверх.

Цзинъюань опустился в кресло, подставив лицо ласковым лучам.

Он действительно любил солнце, особенно его мягкое, обволакивающее тепло.

Запустив учебную программу на персональном оптическом компьютере, он погрузился в изучение теории. Его разум, подобно губке, впитывал колоссальные объёмы знаний.

Оптический компьютер то и дело подавал сигналы о входящих сообщениях.

Включив режим «Не беспокоить», Цзинъюань полностью ушёл в учёбу и вспомнил про личные уведомления только около четырёх часов дня.

Строго говоря, адресовались они не ему: благодаря функции [Связанные аккаунты] сообщения приходили на имя Ань Цзинси.

Судя по отметкам, Цзинси уже успел всё прочесть и даже дать ответы.

Чтобы их маскировка оставалась безупречной, Цзинси предоставил брату полный доступ, так что чтение переписки стало для Цзинъюаня обычным делом.

Пробегаая глазами строчки, Цзинъюань заметил, что сразу несколько приятелей допытывались у Цзинси: неужели в поместье генерала Аня и впрямь не удалось отыскать того загадочного господина Омегу высшей категории?

Помимо этого, многие интересовались судьбой боевых машин.

Раньше у Цзинъюаня тоже имелись мехи первого и второго классов. Модели, к которым он привязался сильнее всего, хранились на складе, однако из-за слишком низкого уровня генерал Ань их недолюбливал. В конце концов почти все они были распроданы или разошлись по рукам кузенов.

Не продай Цзинси свои машины сейчас, при переходе с третьего класса на четвёртый их всё равно раздали бы родственникам. Разве что пару самых любимых удалось бы отвоевать, да и то...

Шансы на это стремились к нулю.

Каждая меха требовала места для хранения, а это место находилось в личных владениях генерала Аня, но никак не в их родном доме.

Двенадцать машин Цзинси относились к третьему классу среднего и высокого качества.

Обычные мехи третьего класса на рынке стоили около десяти миллионов кредитов, эксклюзивные модификации — порядка пятнадцати миллионов. Что же касается арсенала Цзинси...

Подарки генерала Аня можно было назвать довольно посредственными — их цена крутилась вокруг всё тех же пятнадцати миллионов. А вот машины, преподнесённые дедушкой Юань Хайчэ и дядей Юань Инчжэ, работавшими в Ассоциации производителей мех, оценивались ни много ни мало в сорок миллионов за штуку.

А ведь это уже стоимость мехи четвёртого класса средних характеристик!

Первые три класса считались начальным уровнем, а с четвёртого начинался средний. Между ними пролегла пропасть — как в сложности сборки, так и в боевых параметрах.

Мастер Юань Хайчэ и Мастер Юань Инчжэ собрали эти машины своими руками, подогнав каждую деталь под индивидуальные особенности Цзинси. Пусть формально они считались лишь третьим классом, под управлением Цзинси их выходная мощность легко достигала уровня стандартного четвёртого класса, а на пике и вовсе вплотную приближалась к нижней планке пятого.

Понятное дело, такие уникальные образцы не могли стоить дешево. Стоило слуху об их продаже просочиться наружу, как покупатели выстроились в очередь, желая мгновенно выкупить машины.

Именно эти шесть мех Цзинси сбыл в первую очередь.

Поскольку все настройки выставлялись под его физиологию, новому владельцу требовалась

подгонка у мастера, поэтому цену пришлось слегка снизить. В среднем каждая машина ушла за тридцать пять миллионов.

В сумме за шесть единиц вышло более двухсот миллионов.

Даже Цзинъюань на мгновение замер от такой цифры.

При средней зарплате на Столичной звезде около десяти тысяч кредитов в месяц, двести миллионов были астрономической суммой.

И таковым являлся мир боевых машин.

Со стороны казалось, что двести миллионов — это гора денег, однако для пилотов и мастеров-мехостроителей эта сумма могла испариться в мгновение ока.

Человеку, решившему освоить конструирование мех, прежде всего требовалось помещение, а затем — аренда специализированного оборудования, плата за которое считывалась посуточно и исчислялась пятизначными цифрами за день.

А уж о собственной студии и говорить не приходилось: двести миллионов здесь были капля в море.

Впрочем, арендовать мастерскую на первое время вполне хватало.

Выручив внушительный капитал, Цзинси оптом распродал и оставшиеся шесть машин третьего класса от генерала Аня, получив за них в общей сложности всего семьдесят миллионов.

Двенадцать мех принесли ему двести восемьдесят миллионов кредитов.

Любовь познаётся в делах. Сравнив стоимость подарков от дедушки с дядей и щедрость генерала Аня, не нужно было быть гением, чтобы понять, кто действительно дорожил Цзинси.

Цзинси прислал брату скриншот с остатком на счёте.

Действовал он с потрясающей оперативностью.

Первым делом он отправился в одну из самых уважаемых и известных студий по производству мех на Столичной звезде, чтобы арендовать рабочий зал.

Студии делились на начальные, средние и высшие. Начальные обходились относительно дёшево — шестьдесят тысяч в сутки; средние — в сто восемьдесят тысяч; а за высшие

приходилось выкладывать астрономические полмиллиона в день.

Безумные расценки. Вот почему выходцам из простых семей было практически невозможно стать мастерами-мехостроителями.

Впрочем, при желании расходы можно было урезать.

В каждом городе имелись свалки техники. Можно было обосноваться прямо под открытым небом, копаться в мусоре, выискивая списанные агрегаты, и на пустом пустыре пытаться собрать из хлама хоть что-то работающее. Это был первый путь.

Второй путь — устроиться в ремонтную мастерскую. Там имелось необходимое оборудование, и, если договориться с хозяином, в часы простоя можно было задешево пользоваться станками.

Имелись и другие уловки.

Однако Цзинси, выручивший за мехи целое состояние, вовсе не собирался экономить на брате. Не глядя на ценник, он выбирал исключительно по отзывам и новизне вспомогательной аппаратуры, забронировав в итоге начальный рабочий зал в студии «Звёздное сияние».

На самом деле, снять сразу высшую студию им не позволяли средства...

Что ж, ладно — денег действительно не хватило бы.

Но в этом и не было нужды. Цзинъюань только начинал свой путь, и для конструирования мех начального уровня базового зала хватало с лихвой. А уж когда дело дойдёт до средних классов, можно будет перебраться и в более продвинутое помещение.

Всё упиралось лишь в скорость обучения Цзинъюаня.

Цзинси оплатил аренду начального зала «Звёздного сияния» сразу на два месяца вперед, выложив миллион двести тысяч кредитов.

Помимо этого, он снял квартиру неподалёку от студии. Ежемесячная плата составляла двести тысяч, а при оформлении годовой аренды вышло два миллиона четыреста тысяч.

Поместью генерала Аня это жилье, конечно, уступало, но по меркам Столичной звезды считалось элитной резиденцией — просторные трехкомнатные апартаменты площадью свыше сотни квадратных метров.

Оформив сделку, Цзинси закупил кучу бытовых мелочей: от дивана и кроватей до бытовой

техники. Всё исключительно новое — пусть не самое дорогое, но прямо с конвейера.

Он считал, что Цзинъюань достоин только самого лучшего.

Вся эта закупка обошлась ещё в десять с лишним миллионов.

Но на этом Цзинси не остановился: чтобы брат ни в чём себе не отказывал, он забил до отказа винный шкаф, спустив на это ещё около десяти миллионов.

Хотя Цзинъюаню только недавно исполнилось восемнадцать и он ни разу в жизни не пробовал алкоголь, любил он его или нет — не имело значения. Главное — иметь выбор и наслаждаться жизнью.

В личном сообщении Цзинси написал, что отныне, если Цзинъюаню захочется побыть в тишине и перевести дух, он может приходить сюда в любой момент. Это место станет его личным убежищем, где он будет полновластным хозяином.

Продажа мех действительно принесла целое состояние, но Цзинси без колебаний спустил тридцать миллионов — и это не считая средств, которые он приберёт для закупки материалов, необходимых Цзинъюаню.

В отличие от брата, Цзинъюань, хоть и периодически менялся с ним местами, не получил полноценного образования. В свободные от подмены дни его затворяли в стенах огромного поместья, не позволяя никуда выходить, отчего круг его общения оставался ничтожно мал.

Внешний мир пугал его... и одновременно манически притягивал.

Он понятия не имел, как устроены профессиональные студии по созданию мех.

Не знал, каково это — общаться с людьми за пределами генеральского окружения и школьного круга Цзинси.

И уж тем более не представлял, каково это — жить абсолютно одному, без надзора.

Для него, простого Омеги, всё это казалось несбыточным сном.

Но Цзинси воплотил этот сон в реальность.

Брат пообещал: как только Цзинъюань немного оправится от болезни — хотя бы залечит простуду — он сможет шагнуть в этот новый, созданный специально для него мир.

Время пролетело незаметно, и наступил вечер.

К этому моменту вести о том, что Ань Цзинси распродал все двенадцать мех, успели разлететься по узкому кругу.

Его машины всегда были лакомым кусочком: едва Цзинси решал обновить арсенал, как старые модели тут же разбирали кузены и кузины.

Родственники, давно положившие глаз на его мехи, узнав о продаже, немедленно связались с генералом Анем. Вечером Цзинси вызвали на разговор в кабинет на третьем этаже.

Цзинъюань стоял на лестничной площадке второго этажа и с тревожно сжатым сердцем ждал брата.

Спустя полчаса Цзинси спустился. На его щеке наливался багровый след от оплеухи.

Инстинктивно пальцы Цзинъюаня сжались в кулаки.

Он прекрасно понимал: эту пощёчину Цзинси получил исключительно из-за него.

Цзинси подхватил брата за запястье и увлёк в его комнату.

Своей спальне он предпочитал обитель Цзинъюаня — с одной стороны, здесь витал дух личного пространства брата, а с другой... за стеной не было ненавистных братьев и сестёр-Альф.

Заперев дверь, Цзинъюань усадил Цзинси на диван и достал заживляющий бальзам.

Удар генерала был страшен — щека Цзинси заметно опухла.

— Не переживай, — тихо проговорил Цзинси. — Даже если не мазать, через пару дней всё сойдёт.

И это было правдой.

Альфы — особенно высшей категории — обладали регенерацией, многократно превосходившей возможности обычных людей.

Цзинси горько усмехнулся:

— Генерал Ань решил, будто продажа мех позорит его поместье. Ха! А когда он спихивал тебя замуж за сына финансового чиновника, о позоре он почему-то не думал...

Он осекся на полуслове.

В комнате воцарилась звенящая тишина.

Всё упиралось в деньги — разница была лишь в суммах.

Генерал Ань жаждал помолвки Цзинъюаня и Сайласа Натта ради капиталов семьи Натт.

Точно так же, как десять с лишним лет назад он выбросил из сердца любимую женщину и женился на Юань Инсюэ — ровно по той же самой причине.

Ничтожный, лицемерный мерзавец.

Цзинъюань молча обнял брата.

По идее, эта история так просто не закончилась бы, но вмешался случай.

На одной из периферийных планет низшего класса обнаружили энергетический рудник, и туда немедленно вторглись зерги. Его Величество Император приказал генералу Аню возглавить карательный корпус и выступить незамедлительно.

Эта кампания могла затянуться на долгие месяцы, а то и на год-другой.

«Что ж, тем лучше», — подумал Цзинъюань.

В Империи Лос числились один маршал и четыре генерала. Чисто теоретически отправить могли любого из них, однако ходили слухи, что военный совет единодушно проголосовал за кандидатуру Аня.

Поговаривали, всё из-за того самого загадочного господина Омеги высшей категории: соперники вовсе не желали, чтобы генерал Ань оставался в столице и продолжал его поиски.

Как бы то ни было, отбытие генерала давало братьям долгожданную передышку.

В день отъезда генерала Аня Цзинси пробрался в комнату брата с бутылкой фруктового вина.

Это был первый раз, когда Цзинъюань пробовал алкоголь.

Они пили прямо из горлышка, празднуя освобождение.

— Надеюсь, этот старый пенёк убрался навсегда и больше никогда не вернётся, — проворчал непутёвый сын-Альфа.

— Поддерживаю, — тихо отозвался не менее непутёвый сын-Омега.

Во время болезни употреблять алкоголь было крайне нежелательно, однако повод слишком располагал к празднику: по крайней мере, в ближайшее время им не придётся сидеть за одним столом с теми, кто им омерзителен.

Братья чокнулись бокалами.

— Ещё пара дней, ты окончательно избавишься от простуды — и сможешь отправиться в студию, — улыбнулся Цзинси.

— Договорились, — ответил Цзинъюань.

<http://bllate.org/book/20423/2130959>